

Институты и ценности: консервативный подход

В классификации С. Хантингтона присутствуют три версии определения консерватизма в качестве политической идеологии. Во-первых, как исторически локализованной идеологической реакции на Французскую революцию. Во-вторых, как трансисторической идеологии с определенным набором ценностей. В-третьих, как идеологии не идеационной (подобно либерализму и социализму), а институциональной, направленной на защиту наличных социальных институтов. Возникает вопрос: как соотносятся институты и ценности? Можно ли институциональный подход к консервативной идеологии синтезировать с подходом аксиологическим?

Институты как структуры или механизмы общественного устройства, управляющие поведением социальных групп в данном сообществе – это продукт исторической эволюции. Институты не являются результатом сознательного решения индивидов, но закрепляются как наиболее полезные для коллективного взаимодействия навыки и практики.

Передаваясь от поколения к поколению, институционализируясь, эти навыки и практики, с одной стороны, трансформируются в нормы и правила для конкретных форм социального взаимодействия. А с другой стороны, постепенно набирают ценностное измерение, превращаясь в фундаментальные моральные основания общественного порядка. Становясь тем, что для данного общества является в прямом смысле бесценным – то есть тем, что не продается и не обменивается ни на что. В них усматривается ценность не только «прошлого» – наследия, завещанного предками, но и «вечного» – того, что должно оставаться неизменным.

Если исходить из факта культурного плюрализма (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон), но и в то же время не отрицать гипотезу фундаментального единства человеческого рода, можно попытаться выделить набор таких ценностных «универсалий», которые возникли в результате процесса институционализации базовых общечеловеческих практик. К числу таких «универсалий»/ценностей можно отнести: справедливость, совесть, семью и родину. По всей видимости, именно эти четыре универсалии составляют ценностную основу любого социального порядка. И, следовательно, они же образуют базовые общественные институты.

При таком подходе консерватизм претендует на статус интегральной общечеловеческой идеологии, которая варьирует от страны к стране, от нации к нации, от культуры к культуре, но сохраняет базовый консенсус относительно фундаментальной четверки ценностно-институциональных универсалий.

Поляков Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей политологии факультета прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: leopolen@yandex.ru

Универсалия «справедливость» отсылает к «государству» как набору властных институтов, от функционирования которых зависит восприятие обществом наличного порядка. Такое восприятие трансформируется в процедуру политической легитимации посредством *выборов* и легитимации моральной с помощью опросов *общественного мнения*. Таким образом, справедливость как институционализируемая в государстве ценность сама продуцирует набор новых институтов, как бы подтверждающих и закрепляющих исходную ценность в качестве «вечной».

Моральная легитимация существующего общественного порядка предполагает у сообщества в целом наличие некоей оценивающей инстанции. Персонализация этой инстанции – универсалия «совесть» – отсылает к «церкви» как институту трансполитической интеграции сообщества. Сама же церковь в свою очередь подтверждает и закрепляет ценность того, что обозначается понятием «духовность» и что предполагает наличие индивидуального воплощения духовности в виде «совести». Но навыки оценивания справедливого либо несправедливого с помощью инстанции «совесть» индивид получает лишь в первичном «естественном» сообществе – в семье.

«Семья» как базовая универсалия также сочетает в себе институционально-ценностные аспекты. Возникая и эволюционируя как наиболее эффективная практика выживания любого сообщества, семья как институт неизбежно приобретает статус ценности. В ней находят свою корреляцию «государство» и «церковь», и она сама обеспечивает эти институты такими ценностными атрибутами, как справедливость и совесть. И, более того, именно институционализируемая ценность семьи открывает возможность для утверждения расширенной семьи – «народа» как заключительной ценностной универсалии.

Вне зависимости от исхода бесконечного спора примордиалистов и конструктивистов в вопросе о «рождении нации», понимания «народа» как «воображаемого сообщества» либо биологически верифицируемой кровнородственной группы, можно предположить, что универсалия «родина» как ценностная проекция «народа» так же имеет институциональный компонент. Разумеется, никакого института «Родина» нет и быть не может, но поскольку само представление о Родине предполагает наличие национальной идентичности, то необходимо должна наличествовать институционализация практики выработки такой идентичности. И скорее всего институтом, выполняющим эту задачу и косвенно транслирующим ценность «Родина» как универсалию, следует признать школу.

Именно школа как институциональный посредник между «семьей» и «народом» обеспечивает для индивидуальной инстанции совести возможность экстраполяции суждений о справедливости на социальный порядок в целом. Школа *образовывает* каждое новое поколение не только и не столько в смысле наполнения знаниями, сколько в смысле адаптации каждого индивида к ценностно-институциональной инфраструктуре «Родины». Поэтому сам институт «образования» – это не о наученности в смысле объема минимально необходимых знаний (стандарт), это – о формировании образа Родины в каждом представителе нового поколения. И обратно – о формировании образа каждого нового поколения в структуре национальной идентичности.

Если это верно, то гуманитарная триада «язык – литература – история» должна быть школьной образовательной константой, формирующей национальную идентичность и придающей интериоризированную ценность универсалии «Родина».

Соединение институционального и ценностного подходов в понимании того, что такое консерватизм как политическая идеология выявляет его предельную востребованность перед лицом вызовов, продуцируемых западной

цивилизацией. По аналогии с вселенским процессом энтропии можно говорить о генерируемой Западом как предельно уникальной и в то же время претендующей на предельную универсальность цивилизацией *дезантропии*. Это процесс радикальной гуманизации, достигший стадии агрессивного отрицания всех четырех базовых универсалий.

«Справедливость» изымается из ведения суверенного государства и передается как бы на суд «мирового сообщества», которое в любой конкретной ситуации оказывается судящим всех и вся коллективным «Западом». Само суждение о справедливом и несправедливом в каждом данном государстве опять-таки приватизируется «Западом», выносящим окончательное решение даже в отношении судеб глав государств.

«Совесть» сводится к неопределенному набору «прав человека», о нарушении которых опять-таки позволено судить американскому Конгрессу и его производным вроде Human Rights Watch или Freedom House. Одновременно при активной дискредитации и маргинализации церковности как таковой Запад производит и проецирует в окружающий мир некий эрзац интегральной духовности – фрагментированную микросовесть. При этом борцы с отдельными несправедливостями (экологи, феминисты, защитники прав ЛГБТ, прав животных и пр.) легко становятся объектами политической (и коммерческой) манипуляции, что дискредитирует в принципе само представление о совестливости. Парадоксальным образом практики микросовести ведут в итоге к феномену массовой бессовестности как базисному западному социальному институту.

Процесс дезантропии особенно наглядно выражается в институциональном посягательстве на традиционную семью, охватившем западные страны в виде государственного признания однополых браков. Семья как институт воспроизводства человеческого рода и базовая ценность оказывается «угрозой» для прав и свобод человека и соответствующих «меньшинств». В дискурсе политкорректности она позиционируется как институт систематической репрессии, направленной против таких «меньшинств», как «женщины» и «дети». А перекодировка традиционных сигнификаторов для обозначения родителей: вместо «отец» и «мать» – «родитель № 1» и «родитель № 2» – вообще есть посягательство на традиционную картину мира, в которой позиции «мужского» и «женского» задают собственно человеческую природно-социальную идентичность.

Закономерным финалом атаки на базовые человеческие универсалии становится попытка достроить экономическую глобализацию до политически однополярного мира. В XXI веке явно на очереди проект «Соединенных Штатов Мира», в основе которого лежит отрицание фундаментальной ценности «Родина». Принцип *ubi bene ibi Patria* становится доминирующей мотивацией для очередных поколений добровольных мигрантов. Что создает новую волну «переселения народов» и новую угрозу самому выживанию человечества. Хантингтоновское «столкновение цивилизаций» как бы переносится внутрь самих цивилизаций – западной прежде всего.

И здесь, в этой новой реальности, консерватизм как интегральная общечеловеческая идеология может оказаться тем духовным посредником, который сможет примирить межцивилизационные и внутрицивилизационные конфликты. Именно поэтому от судьбы консерватизма в России фактически зависят судьбы мира.

И.Е. Дискин. Соглашаясь с основными позициями, хотел бы обратить внимание, что справедливость вовсе не такая простая конструкция. Она совсем не универсальна. Она претерпела огромную историческую эволюцию. Вполне справедливым рассматривалось рабство. Вполне справедливыми рассматривались различные формы феодализма. Социальная справедливость – одна из ценностей, реально фиксируемых в современной социологии как фундамент российского ценностного консенсуса. Но о какой справедливости идет речь? Нас не устраивает либеральная справедливость – равенство всех перед законом. Нас не устраивает справедливость социалистическая – равенство всех в потреблении. Одной из задач консервативной мысли является выстраивание современной консервативной конструкции справедливости.

О.Ю. Малинова. Мне представляется очень точным тезис Леонида Владимировича [Полякова. – *Ред.*] о том, что консерватизм – это идеология, которая привязана к реалиям конкретного сообщества. Она особым образом универсалистская. Любая идеология несет в себе элемент универсализма, но универсализм консерватизма особый. В этой связи у меня есть вопрос к Леониду Владимировичу. И хочу поделиться одним наблюдением. Вопрос такой. Когда вы говорите о справедливости, совести, семье, то куда вы помещаете идею Бога? Ведь для консерватизма, каким он вырос исторически, это, безусловно, был центральный элемент всей конструкции. Сегодня справедливость – это сложная для конструирования идея. Но для органичного консерватизма это никакая не проблема, потому что справедливость вырастает из идеи Бога.

Л.В. Поляков. Я в данном случае Бога выношу за скобки, по Оукшотту. Помните, в его “On Being Conservative” он объясняет, что консерватизм не обязательно атеистичен. То есть я просто следую классикам.

О.Ю. Малинова. Если мы идею Бога из консервативной конструкции выносим за скобки, то сталкиваемся с целым рядом проблем при обосновании консервативных ценностей. И не случайно исторически консерватизм вырос из идеи Бога. Именно с этим связано особое

взаимоотношения консерватизма с цивилизационными моментами, с универсализмом. Что для консерватора универсализм? Это универсалия христианского мира. Честный консерватор, безусловно, признаёт право других цивилизаций жить по канонам своих культур, потому что это предмет их веры, их религии. Соответственно вопрос о взаимоотношениях между христианскими консервативными конструкциями и консервативными конструкциями, которые вырастают из других культур, выносятся в сферу экуменизма.

Мы участвуем в процессе конструирования современного российского консерватизма, в котором мощную роль играет антизападничество. Это легкий путь, очевидный путь, но он сопряжен с определенными рисками для самих консервативных конструкций. Потому что когда мы конструируем консервативные модели и теории, отталкиваясь от противопоставления России и Запада, мы редуцируем Запад к неким достаточно условным конструкциям. Мы огрубляем тенденции. Мы подводим Запад к общему знаменателю. Но ведь это означает, что на нашего Другого мы смотрим совершенно неконсервативными глазами. Консерватор – это человек, который рассматривает общество, исходя из природы этого общества. Это человек, который стремится видеть многообразие общества. И как раз консервативные конструкция и иерархия дают для этого пространство, в отличие от либерализма. Но когда мы с Западом поступаем таким образом, мы фактически становимся на методологические позиции либералов в оценке нашего Другого. И поскольку любая идеологическая конструкция живет в мире, где есть разные конструкции и есть взаимная критика идеологий, то получается ахиллесова пята рождаемого нами в коллективных муках российского консерватизма. Мне представляется, что выход из этой проблемы лежит на пути некоторого самоограничения в упоении антизападничеством. То есть в более консервативном отношении к Западу. Понимаю, что на уровне массовых, так сказать, дискурсов удобнее работать резкими мазками. Но поскольку мы наконец-то занимаемся конструированием идеологии на разных этажах – и для элиты, и массового продукта, – на уровне нашего диалога было бы совсем нелишним

смотреть на Запад тоже глазами консерватора, видеть в нашем Другом разные традиции и тем самым понижать градус антизападничества, который зашкаливает. Запад остается Другим, поэтому антизападничество в какой-то форме будет всегда. Но какую-то умеренность на себя в этом смысле следует возлагать – ради устойчивости нами же создаваемой конструкции.

Л.В. Поляков. По поводу того, что современный российский консерватизм формируется как жесткий ответ Западу. Это вполне хантингтонская парадигма. Консерватор просыпается тогда, когда есть угроза. Напомню также работу Николая Трубецкого 1920 года «Европа и человечество». Вот там действительно сформулирована радикальная позиция консерватора. Почти дословно: все народы должны объединиться и уничтожить хищников Запада, Европу. В той же версии, которую я предлагаю, я говорю, что в самом Западе происходит саморазрушение. Процесс дезантропии инициирован с Запада, и в первую очередь этот процесс поедает Запад. Поэтому есть на Западе люди, с которыми мы сотрудничаем. Отрицание Запада не означает тотальное его отрицание. Упомяну только Патрика Бьюкенена, который сам пишет о конце Запада.

Реплика. «Закат Европы» Шпенглера написан человеком, бесконечно любящим Запад.

А.Ю. Зудин. Превращение антизападничества в главную платформу российского консерватизма обрекает российский консерватизм на несамостоятельность. Это самое главное. Доведенное до предела антизападничество входит в противоречие с важнейшей консервативной ценностью – ценностью разнообразия и многообразия мира. Но давайте не впадать в противоположную крайность. Лучшей иллюстрацией такой крайности был известный персонаж Максима Горького: и никакая блоха не плоха, все черненькие, все прыгают. Самый разумный подход, на мой взгляд, – это дифференцированное отношение к Западу. Другой признаётся. Но на реально существующем Западе признаётся не любой Другой.

И еще один момент. Абсолютно непродуктивно оставаться консерватизму в хантингтонской парадигме. Дескать, консерватизм просыпается,

потом засыпает, потом опять просыпается и так далее. Если мы оставим консерватизм в этой парадигме (в которой он почти до сих пор продолжал существовать), мы можем лишиться того мира, в котором живем. Мне кажется, нынешний этап развития консерватизма не сводится к реакции на глобализацию, к реакции на отвязавшийся и вырожденный либерализм. Здесь другая задача – это превращение консерватизма в полноценную идеологию. То есть систему идей, которая может обеспечивать иной тип общественного развития. Нельзя оставаться в модели реакции. Мир стал настолько сложным, что если мы не перейдем к иному типу развития, мы этот мир можем потерять.

М.В. Ремизов: Короткий комментарий на тему западничества. Проблема для консерватизма актуальна, и не только для русского. Я согласен с тем, что дихотомия Россия – Запад ведет нас по ложному пути. Но есть другая дихотомия: Запад – Европа. Одно из актуальных консервативных течений – новые правые, которые в 1960–1970-х годах вышли на поверхность, – развивало именно эту дихотомию: Европа против Запада. Под Западом в этом случае подразумевается определенный проект общественного развития, основанный на утопии безграничного роста, на претензии на универсальность, на претензии на то, что данный проект лишен специфических локальных корней и поэтому может быть универсальной цивилизационной матрицей для всех. И такое антизападничество является неотъемлемым свойством любого идеологического, сознательного консерватизма. В этом смысле Шпенглер, безусловно, антизападник. У него есть цитаты, которые позволяют об этом говорить. И европейские консерваторы в этом смысле являются гораздо более радикальными антизападниками, чем русские славянофилы. Нужно это понять. Нужно понять, что мы должны быть антизападниками не в том смысле, что Россия – это нечто существующее за «китайской стеной», а в том смысле, что Запад – это определенная стадия, во многом саморазрушительная, развития европейской цивилизации. Это жесткий консервативный взгляд, не все его примут, но он достаточно последователен. И он нас в каком-то смысле излечивает от немногого провинциальной дилеммы – Россия и Запад, Россия и Европа.